

В.А. Черванева

О некоторых особенностях обозначений мифологического персонажа в быличке

Подход к фольклору как к подсистеме в системе устноречевой коммуникации (а не как к начальной стадии развития литературы), впервые обозначенный в программной статье П.Г. Богатырева и Р.О. Якобсона [2] и затем получивший последовательное воплощение в работах С.Б. Адоньевой, С.Ю. Неклюдова, К.В. Чистова и др. отечественных фольклористов, предполагает релевантность изучения фольклорного произведения в рамках коммуникативной ситуации с применением методов прагматики. Это дает инструментарий для объяснения многих явлений фольклорной поэтики, структурной организации фольклорного текста, его языковых особенностей.

Так, изучение прагматики фольклорного мифологического текста, предпринятое Е.Е. Левкиевской [4], позволило объяснить специфику языковой организации устного мифологического рассказа, в частности, особенности референции мифологического явления в тексте.

Референция представляет собой отнесённость слов и выражений к объектам действительности (*референтам, денотатам*) и является, наряду с предикацией, одним из наиболее значимых механизмов речевой деятельности, «составляет основу языковой коммуникации» [8, с.16]. Как указывает Н.Д. Арутюнова [1], с прагматическим фактором связано различие видов референции по их отношению к фонду знаний собеседников:

- интродуктивная референция (если речь идет о предмете, известном только говорящему);
- идентифицирующая референция (если говорится об объекте, известном как говорящему, так и адресату);
- неопределенная референция (если объект речи не входит в фонд знаний собеседников).

Е.Е. Левкиевская установила, что механизмы референции, используемые при обозначении мифологических явлений в фольклорном тексте, оказываются гораздо более разнообразными и гораздо менее стандартными, чем применяемые в литературной речи [5]. Так, интродукция – введение в речевую ситуацию нового объекта (мифологического персонажа) – осуществляется в быличке «ненормативными», с точки зрения литературного языка, способами: «Рассказчик былички, не называя т.н. “прямого имени”, классифицирующего персонаж, упорно избегает его непосредственной идентификации, используя для его обозначения то различные местоимения

(он, оно, это), то дескрипции, указывающие на одно из свойств персонажа (типа пресловутых “птушек” и “зверушек”), то т.н. актуальные имена, указывающие на внешний признак референта, отличающий его в момент, о котором идет речь (типа *девушек в белом, старичков в красных рубахах, панов “у капелюше” или “с золотыми гудзиками”* и т.д.), то безличные формы глагола (типа *пугает, чудится, мерещится*)» [5, с.197-198].

Эта особенность языковой организации фольклорного текста связана, по мнению исследовательницы, с особенностями коммуникативной ситуации бытования былички – равной степенью информированности / неинформированности ее участников о предмете речи. С одной стороны, былички рассказываются в ситуации непринужденного общения равных по статусу собеседников, в равной степени «погруженных» в традицию и понимающих без дополнительных комментариев, о чем или о ком идет речь. С другой стороны, предмет речи (мифологическое явление) принципиально непознаваем, и эта когнитивная неопределенность обуславливает неопределенность референциальную, которую демонстрирует мифологический текст.

Наши наблюдения над обозначениями мифологического персонажа, в частности его интродукцией, в текстах одной тематической группы (о покойниках) позволяют высказать некоторые дополнительные соображения по проблеме – о связи референции персонажа с характером изображения события в тексте. Анализ выполнялся на материале 134 текстов из трех сборников русской мифологической прозы¹, методом сплошной выборки было извлечено 1057 лексических единиц – номинаций указанного персонажа.

Особенностью покойника как мифологического персонажа является его двоякая природа, обуславливающая пограничное положение между миром людей и миром демонов: он обладает антропоморфной ипостасью и, по крайней мере в прошлом, принадлежал к человеческому сообществу, в то же время его поведение ненормативно с «человеческой» точки зрения, опасно, осмысляется носителями традиции как проявление демонических сил.

Эта особенность персонажа отражается на характере его номинации. С одной стороны, значительную часть примеров обозначений персонажа (86,4%) в рассматриваемом корпусе текстов составляют лексемы, категоризирующие его как человека (антропонимы в широком смысле слова) и не выделяющие его из ряда остальных действующих лиц текста:

- термины родства и свойства (*сын, мать, муж, сестра* и др.);

---

¹ *Былички и бывальщины Воронежского края: сб. текстов / Сост. Т.Ф. Пухова. Воронеж: Научная книга, 2009. 386 с. (Воронеж.); Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб.: СПбГУ, 1996. 212 с. (Чер.); Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с. (Зин.).*

- существительные с общей категориальной семантикой, структуру которой составляет архисема «человек» в сочетании с дифференциальными семами пола и возраста (*мужик, девочка, старик* и др.);

- имена собственные (*Иван, Ильяха, Васечка* и др.).

Сюда же с небольшой оговоркой можно отнести и случаи местоименной номинации – с помощью личных местоимений (*он, она*), неопределенных (*кто-то*), указательных (*тот, этот* и др. – обычно в сочетании с существительными).

С другой стороны, используются номинации, определяющие аномальную природу данного персонажа и в этом смысле противопоставляющие его человеку. Среди них выделяются два типа:

1) наименования, квалифицирующие персонажа как сверхъестественный (*нечистая сила, черт, привидение, дух, душа* и др.). Надо сказать, что такие примеры встречаются довольно редко, причем используются они, как правило, в выводах, сентенциях, объяснениях, т.е. в конструкциях, вынесенных за пределы сюжетного повествования;

2) наименования умершего человека, в которых отсутствует квалификация персонажа как сверхъестественного (*мертвец, покойник, утопленник* и др.).

При наблюдении над синтагматикой этих единиц в тексте становятся очевидны следующие тенденции. Интродукция мифологического персонажа осуществляется двумя основными способами, которые соответствуют двум способам организации содержания текста.

Первый способ интродукции (наиболее частотный – примерно 80 % примеров) представляет собой антропонимическое наименование персонажа (термины родства и свойства, существительные с общей категориальной семантикой «человек», имена собственные) в сочетании с характеристикой «умерший», которая может получать разнообразное лексическое и грамматическое выражение (*умер, утонул, повесился, умерши, задавивши, померлая* и т.д.):

Умер у нас дед (Зин., № 387).

У меня племянника убило, так видела привидение (Чер., № 14).

У одной женщины умер муж. И он стал к ней приходить (Воронеж., №575).

Померла у одного мужика жена (Зин., №386).

Свекра умерла за год до рожденья дочери (Воронеж., №560).

А в деревне была только помершая старуха (Чер., №10).

Умерла молодая девушка, а позже её матери снится сон (Воронеж., №552).

У них мужик повесился (Чер., № 33).

Катина гора есть, там *девушка задавивши*, все казалось, все чудилось там (Чер., № 36).

Был тут Ильяха, который *утонул* под Петушком (Чер., № 18).

Второй способ интродукции персонажа (гораздо менее частотный в исследуемом корпусе текстов) осуществляется с помощью конструкций, имеющих не интродуктивную, а неопределенную референцию: неопределенных местоимений (*кто-то, какой-то*), обобщенной номинации человека (*человек, мужчина, женщина* и др.) в сочетании с характеристиками внешнего облика (как правило, одежды), т.е. актуальных имен, а также с помощью конструкций с нулевым показателем лица. Персонажам, вводимым в текст таким образом, предидируется признак положения в пространстве – их номинации чаще всего

сочетаются с глаголами движения.

Вдруг слышу (а пол-то каменный): вот этак *кто-то* шаркат ногами, как человек... (Зин., №410).

Идет *мужчина какой-то* по канаве, без шапки (Чер., № 5).

...прихожу я домой, а там *какой-то юноша 17 лет* моет полы (Воронеж., №576).

А вот Галка-то наша, вот сыно-от у нее болел, так говорит, *мужик* к ей пришел, *высокий такой, с бородой черной*, все сына просил, так не отдала она его (Чер., № 29).

Ну, она встала, открыла окошко и вдруг видит, что *женщина така в белом платье и платке* и просит, дай мне, мол, водицы (Чер., № 30).

...сидит в *тулупе мужчина* (Чер., № 11).

... по саду-то *едут* мимо окон. Вдвоем *сидят*. *Наряжены во всем белом* (Зин., №403).

Слышу, говорит, *шоборчит*. <...> *Шурудит* (Зин., №411).

Нетрудно заметить, что второй тип введения в текст мифологического персонажа представляет собой специфический для былички способ интродукции, описанный Е.Е. Левкиевской. Такие тексты содержат интригу: событие сначала описывается как тривиальное (действительно, что необычного в том, что человек перемещается в пространстве?), и только потом выясняется, что этот персонаж – мертвый.

Собственно, в этом и состоит основное событие текста («значимое отклонение от нормы» [6, с. 166]), а его коммуникативное задание, таким образом, – идентификация персонажа как покойника. Тексты этого типа остросюжетны, вызывают сильные эмоции и наилучшим образом выполняют развлекательно-фатическую функцию, свойственную быличке [3].

По нашим наблюдениям, тексты с такой интродукцией мифологического персонажа относятся к одному сюжетному типу – в них описывается только факт явления покойника, и это уже достаточное событие для текста, построенного таким образом². Для текстов же с интродукцией первого типа характерен более разнообразный сюжетно-мотивный состав: это и сожительство покойного мужа с оставшейся в живых женой (напр., Зин., №397; Чер, №23, 24), и вредоносные действия покойника по отношению к детям (Зин., №386, 399; Чер., №41), и опознание демона в покойнике (Воронеж., №581-585; Чер, №20, 22), и совершение апотропейных действий (Зин. №390, 397; Воронеж., №581-595), и взаимодействие с персонажем – передача предметов на тот свет (Воронеж., №547-557; Чер., №46-47), хотя встречаются тексты, содержание которых составляет только описание явления мифологического персонажа (напр., Зин., №405; Чер., №13).

В текстах с интродукцией первого типа идентификация персонажа как умершего происходит уже в начале повествования, и тем самым подготавливаются ожидания слушателей: случай сразу же описывается и воспринимается как сверхъестественный, поэтому здесь возникает другая коммуникативная задача – правильная, с точки зрения традиции, идентификация персонажа, обучение правильному поведению в данной ситуации. Тексты такого типа в большей

---

² Необходимо оговорить, что в нашем материале есть два примера текстов (Чер., №29,30) с интродукцией мифологического персонажа второго типа, в которых, помимо явления покойника, появляется дополнительный мотив – попытка покойника забрать ребенка на тот свет. Но примеры эти не очень выразительны и не меняют общей картины. Так, в тексте Чер., №30 вслед за описанием явления «женщины в белом платье и платке» появляется слово «покойница», таким образом, задача опознания персонажа снимается в самом начале. А текст Чер., №29 настолько краток (здесь нарратив сжат до одного предложения), что по нему трудно судить о чем бы то ни было.

степени информативны, зачастую дидактичны. Очевидно, обилие именно таких текстов в сборниках обусловлено восприятием информантами собеседника-собиранителя как человека, которому нужна в первую очередь информация, причем информация определенного характера. Возможно, информативной направленностью и обусловлено большее разнообразие мотивов в этих текстах – нарратив служит наглядной иллюстрацией верований, связанных с данным персонажем³.

Таким образом, описанные типы текстов различаются в зависимости от места характеристики персонажа как умершего – в самом начале текста или в конце. Иными словами, если рассматривать мифологический текст как высказывание, то в данном случае мы сталкиваемся с его различной тема-рематической организацией: то, что в текстах с интродукцией второго типа является ремой, в текстах первого типа – это уже известное, данное.

Наблюдаемая корреляция особенностей референции персонажа с сюжетно-событийной основой текста наводит на мысль о коммуникативной обусловленности процесса текстопорождения: различные типы интродукции «провоцируют» развитие действия по различным сюжетным схемам.

Возвращаясь к выводу о значимости для организации текста былички характеристики персонажа как умершего, отметим, что сама эта характеристика, несмотря на то что она имеет предикативную (*сестра умерла, племянника убило*) или полупредикативную (*помершая старуха, девушка задавивши*) форму, является жанровой функциональной номинацией этого персонажа в тексте, а не предикатом – этот элемент не входит в синтагматическую цепочку предикатов, отражающих развитие действия. Субстантивная же номинация «покойник» фигурирует прежде всего в тех фрагментах мифологического текста, которые представляют собой суждения, выводы, инструкции, т.е. в текстах иной композиционно-речевой организации, чем быличка, – в поверьях и дидактических высказываниях (в соответствии с типологией речевых жанров мифологического текста Е.Е. Левкиевской).

Это вполне соотносится с описанной Е.Е. Левкиевской логикой носителя традиции, который характеризует мифологический персонаж прежде всего через функции, что приводит к закреплению в традиции предикативных форм его номинации [4]. Эта особенность, по всей видимости, представляет собой проявление более общей фольклорной тенденции именования, отмеченной в одной из ранних работ С.Ю. Неклюдова, – изображения предметного мира фольклора через динамические проявления: «Элементы статических структур (персонажи, реалии, внешние признаки, материальные атрибуты и т.д.) проявляются только через действие, организуются действием, возникают как результаты динамических процессов <...> персонаж бывает определим обычно типом своего поведения» [7, с. 213].

---

³ Неслучайно тексты данного типа часто предваряются поверьем, а быличка в таком случае служит иллюстрацией. Ср.: Если в доме умирает человек, то принято закрывать зеркала. Никто не знал, зачем это делать, но все закрывают. Одна женщина не закрыла зеркало, когда у неё умер сын. Через 2 дня после похорон она проснулась от тихих шагов в соседней комнате. Она зашла в спальню, но не включила свет. Шаги были где-то недалеко, она повернулась к зеркалу и увидела в нём проходящего сына (Воронеж, № 596).

Принципы обозначения мифологического персонажа в быличке, таким образом, находятся на пересечении общефольклорных тенденций и жанровых особенностей, диктуемых коммуникативной ситуацией бытования текста.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 411-412.
2. *Богатырёв П.Г., Якобсон Р.О.* Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
3. *Левкиевская Е.Е.* Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня: Сб. статей в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М.: РГГУ, 2008. С.341-363.
4. *Левкиевская Е.Е.* Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.
5. *Левкиевская Е.Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. [Вып.10]. М.: Индрик, 2006. С. 150 – 214.
6. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 14 – 285.
7. *Неклюдов С.Ю.* Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства. Сост. С.Ю. Неклюдов. Отв. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Искусство, 1972. С. 191-220.
8. *Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: ЯСК, 2002. 496 с.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-90809-мол_рф_нр